

Михаил Обуховский

Украинская Атлантида

«Рисовать – значит уметь радоваться».

Х.-Н. Бялик в посвящении П. Литвиновскому

В период великих сталинских строек коммунизма лучший друг всех рукотворных морей сделал символом эпохи шагающий экскаватор. Мне довелось видеть этот монстр в действии под Каховкой. Казалось, под тяжестью тысячи тонн великанских конструкций прогибается земля. Железный тиранозавр поджимал под себя две гигантские ступни, опирался брюхом на чудовищные домкраты и делал немыслимый для такого колосса изящный выпад вперед. Затем подтягивал свое пузо из металла и протоплазмы. Челюсти чудовища открывались, вгрызались в песок и переносили его на ленты транспортеров. Котлован рукотворного моря стал «на шаг» больше. Можно было начинать переселение затопляемых деревень.

В 59-м году пришла очередь папиного родного городка – Новогеоргиевска. Отец как старший в семье начал работать с 14 лет молотобойцем – помощником кузнеца, потом на заводе Петровского электросварщиком. После смены писал в заводскую многотиражку патриотические заметки о передовиках труда; стал рабочим, в тридцатые и вовсе ушел в газету штатным корреспондентом. А в том, 59-м, он вдруг сказал мне: «А не поехать ли нам, сын, попрощаться с теми местами, где я вырос?».

Новогеоргиевск (б. Крилівка) упоминается с 1615 года, но еще в XIV веке здесь, где Тясмин, огибая высокие курганы скифских и сарматских племен, впадал в Днепр, была переправа («татар-

ский перелаз»). Узкое место привлекало татаро-монголов и литовцев, поляков и дружины Киевской Руси.

Вместе с папиным другом мы нашли их «особое» место, где раньше ловилась «в-о-о какая рыба!». На прозрачных плесах Тясмина купались у «абакты» – старой гарнизонной гауптвахты. А вот и «дикий камень» – огромный валун, остановившийся здесь памятником Ледниковому периоду. Поднялись на Бабин Пуп – самый высокий курган Новогеоргиевска.

Через Базарную площадь, где еще сохранились каменные торговые ряды, – вот здесь шила «парижские лифы» моя бабушка. Я подумал: «Мои встречи в Париже не были ли запрограммированы этими лифами?». Ведь не только на Малой Арнаутской делались заграничные товары.

Так где же она, обреченная Крилівка, виновная лишь в том, что Кременчугское море спроектировано так, что из-под воды вызывающе выглядывает только высокая крыша школы? После зимы по «морю» плыли, покачиваясь, гробы, вымытые весенним паводком с кладбища...

А не ввести ли нам, подумал я, День затопленных городов в память об исчезнувших родных очагах под ряской плоских водохранилищ?

Осознанное создание Украинской Атлантиды, но без завораживающих мифов Эллады. Спланированная гибель благородного чернозема...

Папа долго смотрел на бело-розовую метель садов, которые никогда уже не зацветут вновь.

Вечером, перебивая друг друга, звучало: «А помнишь?..». Многие уехали при переселении или не дожили. В памяти встретившихся друзей лучше всего сохранились детские игры и прозвища.

П. Литвиновский. Автопортрет

Пантя не вернулся с фронта. Скончался в госпитале Тютя, а Шлым (производная от *шлымазл* – недотепа, неудачник на идиш) спешил на помощь восставшей Праге – обычная раскладка судеб этого поколения. Папе выпало воевать подо Ржевом. Красно-желтые нашивки о ранениях, орден Красной Звезды и солдатская медаль «За отвагу» были памятью о той перепаханной снарядами земле...

Один мальчик периодически возникал в разговоре, но о нем знали только, что он намного старше отца, в хедере он изучал уже Тору. Жил он рядом с лафкой «Керосин» (как точно эта вывеска «Лафка» была подмечена Шагалом!), уехал давно. Тогда еще мы не знали, что, став художником, Пиня – Пинхас Литвиновский – уехал в Палестину...

Я и не предполагал тогда, что через пятьдесят лет буду собирать по всему Интернету репродукции, данные аукционов и музеев, если там встречалось имя Пинхас Литвиновский. Страницы web высвечивают, в основном, котировки его картин. Да, вот несколько деталей в статье Гедеона Офрата, на которую все ссылаются; компиляция Ирины Климовой о становлении изобразительного искусства Израиля... Но тогда, в конце 50-х, мы так ничего и не узнали о Литвиновском – художнике, ставшем одним из самых значительных мастеров Израиля...

А как же бренд «Флер Одессы», который я всюду старался найти, ведь Пиня не одессит: родился в папином Новогородицке в 1894 году, в Неодессе?

Дело в том, что совершенно случайно я наткнулся на свежий каталог персональной лондонской выставки Пинхаса Литвиновского (август 2010 года) и влюбился в его манеру письма и созданные им образы. Оказывается, он учился два года (1910-1912) в Одесском художественном училище (ага, вот оно, одесситство!) и потом еще работал здесь в 1919 году. В Одессе Литвиновский практически неизвестен, судьба распорядилась так, что его имя не вошло в славную когорту имен одесских «независимых» художников. Он был «прописан» по ведомству израильских мастеров. В 1932 году при открытии Тель-Авивского художественного музея Литвиновский попал в раздел «Израильское искусство» – ведь почти все его работы сделаны в Израиле. Чем больше я от-

крывал для себя Литвиновского, тем сильнее мне хотелось подарить одесситам ту радость, которую я испытал, выкладывая пазл из множества репродукций его работ.

Будто сделать это мне завещал отец.

В дни Хануки в 1911 году в Одессу из Палестины приехал скульптор Борис Шац, основатель «Бецалель» – Иерусалимской школы искусств. Он привез выставку студенческих работ и хотел познакомиться с учениками Одесского художественного училища. Шац обратил внимание на работы Литвиновского и, чтобы поддержать талантливого юношу, предложил ему стипендию и пригласил учиться, начиная с осени 1912 года, в «Бецалель» (по имени мастера, которому Моисей доверил построить Ковчег).

Как показала учеба, молодая, только что созданная школа не смогла ответить ожиданиям способного ученика, который вско-

П. Литвиновский. Свадьба

П. Литвиновский. Человек с бутылкой

рости возвращается в Россию. Там он продолжает учиться в петербургской Академии художеств у профессора Кардомского. Но настоящим его учителем стал русский авангард, о котором он узнавал из первых рук, сблизившись с Кандинским и Мих. Ларионовым. Затем пришла очередь «новой» французской живописи. «Человек с бутылкой» как будто сошел с картин Боннара или Сезанна. Свободная поза, артистично завязанный бант, бутылки аперитива, несколько клавиш инструмента, еще хранящих прикосновение пальцев, – все выдает в нем человека богемы, к которой принадлежал тогда и сам автор.

Посмотрите на его «Портрет» – на нем веселый юноша с южным оптимизмом готов к началу бесконечной дискуссии о путях развития искусства.

Научной атрибуции я не нашел (даже в музее в Рамат-Гане), картина называется всюду «Портрет», и лишь на одном аукционе – «self portrait». Так или иначе, Литвиновский мог быть похожим на этого жизнерадостного и независимого юношу, что подчеркивает свободный мазок кисти. Зато «Автопортрет с трубкой» совершенно точно указывает автора, по которому уже прошла волна личных переживаний и тревог за судьбу страны. «Дневной отдых» предстает современным рассказом библейского мифа. На остановившихся в пути людях лежит отпечаток духовного покоя. Ребенок спокойно прильнул к груди матери (библейский вариант византийской ико-

ны?), а глава семьи открыто всматривается в нас (а может быть, это только кажется мне...).

Я научилась просто, мудро жить,
смотреть на небо и молиться Богу...

– не эти ли строчки Ахматовой определили библейскую атмосферу картины?

В 1919 году Литвиновский работает в Одессе. В политически нестабильной России власть часто переходила из рук в руки, оставаясь более или менее враждебной по отношению к еврейскому населению. И Литвиновский решает навсегда поселиться в подмандатной Палестине.

В ноябре был зафрахтован пароход, на котором в Эрец-Исраэль из Одессы отправилась третья, самая значительная волна эмигрантов-сионистов. Среди уезжающих художников был и Литвиновский. Как и все другие, Литвиновский не знал, что меценат и общественный деятель Яков Перемен сумел спрятать в трюме парохода свою неоценимую коллекцию одесских «независимых» художников. Одесская школа живописи наряду с парижской и мюнхенской входила тогда в тройку мировых центров модернизма. Перемен, отличавшийся отменным вкусом, был одесским Морозовым и Щукиным в одном лице. Драгоценный груз из 220 картин, доставленных в Яффу, стал основой нескольких незначительных выставок. Вскорости о коллекции... забыли.

И разделила бы она печальную участь Украинской Атлантиды, если бы ее случайно не обнаружили в предгибельном состоянии, и этим не спасли от небытия. Будто судьба таким подарком расплачивалась за годы забвения, за другие рукотворные Атлантиды.

Началась реставрация картин, их атрибуция, и благодаря профессиональному подвигу Леси Войскун, куратора Музея русского искусства в Рамат-Гане, впервые была подготовлена экспозиция всей коллекции как единого целого (так завещал Перемен – первый израильский коллекционер).

В этом музее в 2006 году состоялась редчайшая выставка работ одесских модернистов из коллекции Якова Перемена, названная, как и прекрасно изданный каталог, «Одесские парижане». Одно уж известие о выставке найденных и спасенных картин вызвало

П. Литвиновский. Скрипач. 1930

эмоциональный шок... Блестящую статью к составленному ею каталогу «Одесские парижане» написала Леся Войскун. Пожалуй, это название было использовано для выставок впервые, обозначая сообщество одесских «независимых». А в роскошном стостраничном каталоге аукциона «Сотбис» (апрель 2010, Нью-Йорк) имя «Одесские парижане» утвердилось: так была названа представленная на аукционе коллекция. Картины, считавшиеся утерянными, были выкуплены и возвращены Украине. На обложке американского каталога

значилось: «The Odessian Parisians. Ukrainian Avant-Garde».

По художественным приемам и идеям Литвиновский был близок к одесским парижанам (поэтому я и вспомнил об их выставках). Легко представить Пинхаса Литвиновского и Амшея Нюренберга беседующими в книжном на Преображенской, 41. Только вмешательство судьбы разбросало их по разным странам и помешало развесить на этой выставке в Израиле картины Литвиновского рядом с работами одесских модернистов, удачно названных одесскими парижанами.

Я уверен, что мир искусства признает в одесских парижанах и учившемся в Одессе их идейном брате – Литвиновском, великих модернистов начала прошлого века, гигантов живописи, каковыми они являются. И однажды в обращенных к морю светлых залах картинной галереи мы сможем увидеть их вместе.

Литвиновского увлекает напряженность цветовых соотношений. В картине «Скрипач» расцвеченные пространства, ограниченные стилизованной геометрией фигур, прямое следование особой связи между ранним Литвиновским и ранним Матиссом. А мистика картины «Учитель»! Наверное, многовековые сохра-

нившиеся заветы разъясняет «Синий учитель» с фанатичным убеждением. И стоишь в недоумении: «Что это со мной?» – будто погрузился в библейский мир Шагала в музее в Ницце.

Он обожал Шагала, который уже привез в Париж свой волшебный Витебск.

Тем не менее, Литвиновский сохраняет свою собственную манеру живописи: линия, цвет, мазок. Эта манера определила успех картины «Свадьба» (из собрания Женевского музея изящных искусств). Глубокая перспектива на фоне ярко желто-оранжевой стены, как на заднике сцены, маленькие фигурки разыгрывают спектакль с невестой и женихом под хупой с выстроившимися для поздравлений гостями и даже с мальчишками, забравшимися на стену. В диалоге с картиной – даже по репродукции – возникает чувство торжественности и радости.

Вдумайтесь, всмотритесь в одну из самых волшебных картин Литвиновского «Молитва на горе Мирон», и вам передастся ощущение вечности законов и заветов...

Литвиновский был влюблен в Иерусалим, куда он, в конце концов, переехал. Картину «Пожилой человек» можно было бы назвать «Башня царя Давида» или «Яффские ворота», настолько для понимания картины определяющими являются стены Старого города. Как сумел художник, не подавляя Вечный город, прочертить в центре картины глубокие морщины мудрости! Да, художник – создание штучное...

С 1924 г. Литвиновский участвует в ежегодных выставках «Ассоциации еврейских художников» и готовит свою персональную выставку, которая состоялась лишь в 1935 году, после благословения Парижем. Он представил более 20 полотен и картонов явно конструктивистской направленности («Играющие дети», например, или «Женщина с цветком»). Отвергая салонный символизм группы «Бецалель», дерзкий модернизм знаменовал начало иерусалимского «нового» искусства, которое использует экспрессионистски намеченные фигуры и абстрактный фон («Свадьба»).

Цветовые созвучия становятся в 40-х годах его визитной карточкой.

Отмечу, что сразу же после его смерти прошла с большим успехом мемориальная выставка Литвиновского в Кнессете, а по-

следняя из известных мне персональных выставок состоялась в августе 2010 года в Лондоне. Достаточно сказать, что были выставлены «Интерьер синагоги в Петах-Тикве» и серия «Раввины», каждый из которых вполне мог бы сойти с какой-нибудь картины Кременя или Паскина, художников парижской школы.

Литвиновский попадает в Мекку художников лишь в 29-м году, когда современные идеи живописи уже объединили сообщество художников в «парижскую школу». В мастерских по 30 франков за триместр, в «La Ruche», в «Bateau-Lavoir» обменивались идеями и приемами живописи молодые гении, определившие на целый век развитие нового искусства. Термин «парижская школа» как колыбель молодой живописи ввел, насколько мне известно, Андре Варно. Он определил парижскую школу как «интернациональное, космополитическое сообщество художников, работающих в Париже».

В начале XX века в мастерских Пабло Пикассо, Вламинка, Амедео Модильяни и Матисса кипели дискуссии о новых путях развития искусства. В работах Марка Шагала, Хаима Сутина, Жюль Паскина, Цадкина, Манэ-Кац (наш земляк, родившийся в Кременчуге) – этнических евреев – явственно присутствовал как их менталитет, так и память о маленьких еврейских городках, откуда они вышли. В книге «École Juive de Paris» (автор текста Сара Натан) с полным правом утверждается существование еврейской школы живописи. Там же я нашел такую фразу Шагала: «В искусстве все возможно, если оно основано на Любви»... Любви же к искусству этим одержимым живописью мастерам было не занимать! Еврейская волна эмигрировавших художников стала доминирующей частью парижского и мюнхенского модерна. Молодые художники словно были беременны невиданным доселе искусством и только ждали «акушеров» – уже признанных покупателей-маршанов, коллекционеров, призеров аукционов. Литвиновский, попав в этот мощный поток, был очарован буйством красок фовистов, линией Матисса, воздушной легкостью любовников Шагала.

Отдал он свой долг и увлечению ориентализмом. Восточный колорит передается исключительно средствами живописи, яркими цветовыми созвучиями. Из нескольких картин этой серии я бы выбрал «Бедуина» и «Восточную пару»: нель-

зя оторвать взгляд от глаз молодой женщины, а играющий на флейте бедуин завораживает, как легенда о Крысолове. Обожествление цвета привело Литвиновского к созданию многолетней серии картин, название которых представляло доминирующие краски. Так появились «Зеленое и красное» (мужчина в зеленом, женщина в красном), где создан ни

П. Литвиновский. Молитва

с чем не сравнимый колорит, который заставляет нас примириться даже с необычными сочетаниями основных цветов.

Вот два портрета Давида Бен-Гуриона (Литвиновский был допущен к самым высшим этажам государства. Ему позировали несколько премьер-министров Израиля и даже Джон Кеннеди). Два различные, резко расходящиеся манеры, но один человек смотрит на нас с этих портретов. Как пуантилисты точками чистых красок создавали нужный цвет, так и Литвиновский короткими щедрыми прямыми мазками создавал объект или портрет. Добавлю только еще один прекрасный портрет Леви Эшкола – тоже неистовство мазка, а образ потрясает содержательностью и портретной достоверностью.

В 1926 году Литвиновский делает эскизы костюмов для театра «Габима». Шагал же в России работает для ГОСЕТа (Государственного еврейского театра). Занавес Шагала был отклонен, разрезан на части, спрятан в запасниках... А во Франции Шагала предложили освятить потолок Парижской оперы библейскими сюжетами. И теперь можно любоваться шагаловским потолком в самом престижном парижском театре.

Много лет спустя на спектакле «Скрипач на крыше» я испытал такое же наваждение, как и перед картинами Литвиновского. Голубой старик задумался, подперев щеку. Не Тевье ли это молочник, сошедший со страниц Шолом-Алейхема? Голубой картуз, голубая рука, голубая одежда, голубые черты лица... Этот стиль –

П. Литвиновский. Портрет

«одна краска» – часто используется художником. Сегодня многие музеи мира соревнуются на аукционах в приобретении работ Литвиновского.

А вот Одессе его картин явно не хватает!

Широкие щедрые мазки и палитра цветов делают его картины сразу же узнаваемыми. Он верил в то, что художественная честность не зависит ни от заказчика, ни от котировок. Цены на его картины на аукционах непрерывно растут. Оказалось, что Литвиновский стал одним из самых разыскиваемых художников на рынке произведений искусства (и одним из са-

мых продуктивных). Он был одержим работой.

В 1980 г. художнику была присуждена Государственная премия Израиля. Это второе после премии Дизенгофа (1936) признание заслуг перед страной.

Умер он в 91 год, прославив своим творчеством малюсенький город, который, как Атлантида, покоится на дне моря.

Лион

